

ГЛАВА II

**КОНТУРЫ СИНТЕЗА —
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ**

СПЕКТР МНЕНИЙ

"Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека."

Юрий Орлов

"Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях и во всех сферах — социальной, политической, экономической. Каждый должен иметь право голоса в развитии ценностей и целей, детерминирующих наши жизни."

*"Гуманистический манифест — 2", 1973 г.
(Примерно 300 подписей, включая подпись
Андрея Сахарова.)*

"Самоуправления требуют здравый смысл и законы экономики... Это великое дело — быть подлинным хозяином: у себя дома, на своем заводе, в ВУЗе, в новых организациях, в кооперации, в своем городе..."

Лех Валенса

"Самим актом своего труда человек становится господином на своем рабочем месте, хозяином трудового процесса, хозяином продуктов своего труда и их распределения."

Папа Иоанн Павел I I

ИДЕАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Разочаровавшись в грандиозном опыте построения ленинского социализма и в способности всех других видов социализма решить "проклятые" проблемы человечества, многие люди вообще разуверились в возможностях человека и человеческого разума улучшить условия своего существования. И они считают любую подобную попытку обреченной на неудачу.

Думается, что это неверие в возможность "идеального строя" — большая беда человечества, и даже более того — угроза его существованию, так как неверие это является серьезным деморализующим фактором, вынуждающим людей считать неизбежным существующий порядок вещей и мириться с тем, с чем мириться нельзя.

"Идеальным" я имею в виду тот строй, который может дать людям возможность начать реальное приближение к своим *идеалам*.

"Какая же история человека, если доброта его недвижима?" — говорит один из героев В.Гроссмана в романе "Все течет..."

И ведь действительно до сих пор, при всех существовавших и существующих режимах, доброта человеческая и нравственность остаются недвижимы, невзирая на все отчаянные усилия подвижников Добра и их призывы к нравственному самоусовершенствованию. Их призывы и проповеди говорят об одном, а жизнь учит совсем другому. Разница лишь в том, что при одном строе она учит своему сильнее, при другом слабее.

Конкретнее, при буржуазно-демократическом строе средний нравственный уровень находится в динамическом равновесии, определяемом рядом противоположных процессов. К повышающим этот уровень факторам относятся демократические свободы, в том числе (и особенно!) свобода объединения людей для коллективной реализации или защиты своих интересов. К понижающим же факторам — *агрессивная* конкуренция, т.е. конкуренция в накоплении капитала (в расширенном воспроизводстве) с вытекающей отсюда эксплуатацией, превращением человека в *средство* накопления, а деньги, капитал — в цель, господствующую над человеком.

Понижает нравственный уровень также и *абсолютная* дисциплина, существующая внутри частных и государственных организаций, и материальная зависимость подчиненных от их начальников и работодателей.

Наконец, ограничивает нравственный уровень человека и сознание бессилия, невозможности активно влиять на ход своей жизни и жизни общества, т.е. положение пешки, от которой мало что зависит.

Ну, а о тоталитарном социализме и говорить нечего. Тут вообще действуют лишь факторы, понижающие нравственный уровень.

Так вот: "идеальный" строй должен, очевидно, устранить или ослабить все деморализующие факторы.

Далее, он должен дать обществу возможность перестать тратить большую часть сил на трансформации и революции, на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, то есть открыть эпоху действительно бесклассового общества, движущими силами которого будут сотрудничество и солидарность людей в улучшении условий жизни.

Иначе говоря, этот строй должен позволить обществу тратить большую часть сил на борьбу за продолжение

рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), должен превратить человеческое общество из интровертированной "личности" в *экстрровертированную**.

Повторю. Был "тезис" — частная собственность на средства производства. Был "антитезис" — государственная собственность на эти средства (как основа квазиидеального строя). Возможен и синтез. Законы развития никому как будто еще опровергнуть не удалось.

* Если сравнить развитие общества с развитием индивидуума (а такое сравнение здесь правомочно), то мы увидим, что в низшем, детском периоде нормой является экстрровертированный тип личности (обращенной во внешний мир); затем нормально наступает интровертированный период, со зрелостью же вновь приходит экстрровертированный. Без интровертированного периода формируются как правило примитивные, ущербные личности, но и фиксация его также приводит к ущербности. Более того, ставит существование индивидуума под угрозу, понижая его жизнеспособность.

Первобытное, доклассовое общество было экстрровертированной "личностью", затем пришел интровертированный период, который, похоже, опасно затягивается. — В.Б.

”ТРАГЕДИЯ” СОЗНАНИЯ И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Основное, что определяет природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ — это, очевидно, сознание (включая в это понятие все его уровни).

Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту. И это же сознание дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности, которое оказывает двойное влияние на его жизнь.

Страх перед смертью и временем есть в сущности глубинный стимул для творческой, созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным.

Всмотримся в свое подсознание: мы не можем не испытывать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстротечное существование, неумолимо уходящее, как песок в песочных часах. И если жизнь не ожесточила нас, мы не можем не испытывать острого стремления скрасить, сделать более счастливой друг для друга нашу жизнь. Отсюда и рождается все лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство ответственности), и так называемые абсолютные понятия добра и зла (или нравственные принципы).

Такова, очевидно, материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. ”Бог есть боль страха смерти”.*

Но в страхе смерти заключен и ”дьявол”, первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник хищного эгоизма и своеволия, малодушия и садизма, ненависти и злобы, стимул для *злотворчества*.

* Слова Кириллова из романа Достоевского ”Бесы”;

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенциалов, т.е. страхом, что ты сгниешь, не оставив следа.

И патологическая тяга к самой смерти, к бездне, наверное, отсюда же — от неосознанного желания разом избавиться от страха перед смертью.

Испокон веков люди ищут защиты от этого страха.

Что же может нас защитить от него? Думается, полнота жизни — возможность удовлетворять наши основополагающие потребности: быть добрым, любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче бороться со страхами и легче "оставить добрый след".

Одиночество непереносимо для человека. Зло же увеличивает одиночество. Поэтому стремление к добру — к преодолению одиночества — не может не быть имманентным для человеческой природы.

Но чтобы быть добрым, повторю, надо иметь возможность делать добрые дела, влиять на мир и на людей. Когда у нас такой возможности нет, мы черствеем, теряем способность к сочувствию и сопереживанию.

Короче говоря, люди "приговорены" либо к тому, чтобы в конце концов создать такие условия, при которых они могли бы быть активно добрыми, либо "броситься в бездну", для чего у них уже есть реальные средства.

Очевидно, чтобы иметь возможность для добротворчества, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. (Видимо, именно потому свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти.) Истина азбучная.

Но, к сожалению, не совсем "азбучна" другая истина, а именно, что свобода немыслима без власти. Без власти над ходом своей жизни и жизни общества.

Свобода без власти возможна только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть можно поэтому объединять в одно понятие: власть-свобода.

Великой бедой человечества представляется то, что еще очень многие люди, даже иные философы, не осознают этой связи: априорно исходят из невозможности гармонического сочетания свободы и власти. Ведь до сих пор везде и всегда власть ущемляла свободу, а свобода противостояла (в понятии людей) власти.

Иные философы говорят о "пустоте" свободы и даже о страхе перед ней, как перед всякой пустотой; говорят о кризисе и трагедии свободы, так как люди, мол, обладают или стремятся лишь к "отрицательной" свободе — свободе от чего-то. И одни предлагают мужественно переносить страх перед "пустотой-свободой", другие — заполнить ее служением Богу.

Но свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью — *возможностью* творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть у человека и страха перед настоящей полной свободой, свободой-властью.

Иное дело, когда рабу говорит хозяин: "Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть и все, что ее дает, я оставляю себе". Такая "отрицательная" свобода, конечно, покажется рабу или страшной, или пустой.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут ей применение: проблемы, стоящие перед человечеством велики и неизбывны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с *ответственностью*. Она не только *дает*, но и очень много *требует*.

Но власть пока везде в той или иной мере противостоит свободе и душит ее по той "простой" причине, что до сих пор везде и всегда *власть сосредотачивается в руках меньшинства*. Власть, но опять же не свобода! Необходимость подавления свободы большинства ограничивает свободу властвующего меньшинства.

Полной свободой, *властью-свободой* могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно состоит "великий вывод мудрости земной".

Но повторю: до сих пор, увы, большинство людей полагало, что все сразу управлять, командовать не могут, и реальная власть всегда будет у меньшинства, у "специалистов" власти. "Сам собою народ управлять все равно никогда не будет", — говорит Солженицын устами Варсонофия в "Августе 14-го".

Или наконец: далеко не каждый, мол, захочет лезть в начальники, даже если будет иметь возможность.

На первые возражения ответ будет дан при разборе механизма и структуры, предполагаемого "идеального" строя.

Что же касается последнего, то необходимо сказать следующее. Да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама *возможность* ею пользоваться имеет огромное, самостоятельное психологическое значение. Уж от возможности-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желания и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь право на власть, каждый человек должен иметь права л о р д а . Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы. Да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль Возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял, что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес, кажется, Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Труднее всего жить без власти-свободы людям интеллектуального труда.

”Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей,— пишет Г.Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному Лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать”.*

И до тех пор, пока не найдем, смута и беспокойство не переведутся в мире, будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический взрыв, но и быстрое ”размножение” младших научных сотрудников.

Однако они никогда не приобретут настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птичницы. Прибавить птичнице ”корму” и облегчить ее труд — это еще не значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке, и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и несправедливой жизни, птичники бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям, прежде всего младшим научным сотрудникам.

В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как птичницы и птичники рождались таковыми. (Рабы рождались рабами). И свобода, даже ”отрицательная”, не стояла за воротами их ”птичников”. Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны, что они ”хозяйева жизни и государства”, а правители — их слуги. И то появлялись Разины и Пугачевы!

* Г.Померанц. Неопубликованное. ”Посев”, 1972, стр. 133.

САМОУПРАВЛЕНИЕ — СВОБОДА, ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Читатель наверное уже понял, какой строй мы считаем идеальным, т.е. наиболее соответствующим природе человека.

Это, конечно, самоуправление, основанное на групповой собственности на средства и продукты производства.

Олдос Хаксли в работе "Наука, мир, свобода", которую я читал еще в самиздате в СССР, справедливо утверждает, что все зло в мире проистекает от того, что большинство людей при всех существующих режимах все больше лишается собственности на средства производства. Люди же, лишенные *кормящей* собственности, попадают в *абсолютную* зависимость от работодателей и начальства — и деморализация тех и других прогрессирует.

Однако возвращение к обществу мелких собственников — "единоличников" невозможно, и остается, пишет Хаксли, один выход из положения: групповая собственность. И неразрывно связанное с ней — самоуправление.

Итак, к свободе и власти прибавим собственность, дающую средства к существованию. Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

И при всех массовых революциях, начиная с Великой Французской, подневольные "массы" боролись не столько за свержение одних "измов" и утверждение других, как учит советская история, сколько, быть может сами того не осознавая, пытались установить в том или ином виде самоуправление — будь то секции, коммуны, советы депутатов или рабочие советы.

Подневольным людям деваться больше некуда, у них

нет другого исхода, кроме самоуправления, ибо только с его помощью каждый из них может перестать быть рабом, может обрести *право решающего голоса во всех касающихся его делах*, то есть власть-свободу.

Но "массы" неизбежно терпели поражение, ибо самоуправление — не простая вещь. Тут необходима коренная перестройка всех механизмов государства и экономики. Необходимо их строгое соответствие друг другу. Ну и, конечно, достаточно высокое развитие производительных сил, образования, культуры. И, что может быть всего важнее, — необходимо пережить горький опыт "коммунистического" антитезиса.

Все эти предпосылки созрели или созревают только сейчас (в развитых странах), а вместе с ними — созревает и глубокая жизненная заинтересованность большинства людей в самоуправлении.

Самоуправление, самоуправляющиеся коллективы представляют собой, на мой взгляд, высшую форму интеграции людей, в высшей степени соответствующую человеческой природе. Такие коллективы — результат *самостоятельного* объединения людей для осуществления *своих* интересов — дают людям возможность ЕДИНЕНИЯ (которое суть *свободное* объединение) и одновременно возможность САМОУТВЕРЖДЕНИЯ, т.е. снимают извечное и губительное противоречие между двумя этими фундаментальными стремлениями человека. (Как снимают противоречие между властью и свободой).

С самоуправления началась история человека. От обезьяны, с четверенек, он поднялся не только с помощью труда, но и свободного объединения в самоуправляющиеся группы (семьи, племена) в эпоху первобытного коммунизма. В тех группах люди приобретали первые основы нравственности. В самоуправляющихся коллективах людям выгодно и необходимо развивать и соблюдать нравственные принципы и правила человеческого сосуществования.

Можно сказать, что нравственно человек проявляется человеком только в свободном объединении, начиная от создания семьи. Кто имел возможность видеть, тот знает,

как распрямляются и светлеют люди, участвуя в создании даже самых утилитарных с самыми заземленными целями, но *свободных* объединений.

Для людей, не видевших этого и лишенных логической фантазии, хочется подчеркнуть, что между самоуправляющимся коллективом, полностью отвечающим за свои действия, и казарменным — качественная пропасть. В первых коллективах люди становятся добросовестнее, терпимее, открывают в себе таланты, избавляются от комплексов и т.д. Для них, повторяю, это становится необходимо для преуспевания в конкуренции с другими коллективами. И только в таких коллективах "первыми людьми" становятся действительно лучшие, умнейшие, потому что люди быстро начинают понимать, что для них выгодно следовать советам умнейших. Ведь любая ошибка быстро и заметно скажется на всех и на каждом так же, как и успех. И руководители, не обладая абсолютной властью над подчиненными, не вырождаются морально и умственно.

В отличие от всех прошлых и нынешних социально-экономических систем, система самоуправления и групповой собственности опирается одновременно как на идеалистические, так и на меркантильные компоненты человеческой психологии (снимает и здесь противоречие), позволяет наконец людям работать "для всех и для себя" одновременно.

Систему самоуправления можно определить и как новую эру в развитии демократии — вступление демократии внутрь предприятий и учреждений, создание внутри их всех демократических институтов и механизмов: выборы, референдумы, законодательная власть (Рабочие Советы), исполнительная (дирекция) и т.д.

И тот строй, который дает большую свободу людям для объединения и самоуправления, является, очевидно, и более *прогрессивным*. Это, наверное, наиболее емкий критерий прогрессивности. По этому критерию госкапитализм — самый регрессивный строй в истории человечества, ибо он предельно лишает людей возможности свободного объединения и самоуправления, обрекая тем

самым все слои общества на нравственное и умственное вырождение. (Это вырождение заходит дальше всего в тех слоях общества, в которых люди более всего разъединены: в среде чиновников, гуманитарных интеллигентов и людей из сектора обслуживания).

У читателя может возникнуть вопрос, а много ли будет реальной потребности для участия в управлении делами самоуправляющегося предприятия (учреждения) у рядовых членов коллектива? Ведь руководить все равно должны будут специалисты.

Ответ однозначен: очень много!

Во-первых, контрольные функции: над главным руководством и руководством подразделений. Важное и сложное дело, осуществлять которое члены коллектива и их представительные органы смогут также с помощью специально нанимаемых специалистов-советников.

Попутно отметим. Сторонники реформ в Советском Союзе постоянно говорят о необходимости децентрализации управления народным хозяйством и увеличения самостоятельности предприятий, т.е. их руководства.

Требование это стало уже общим местом. А между тем, и принципы демократии и структура человеческой психологии требуют, чтобы с увеличением самостоятельности руководителей, партийно-государственный контроль заменялся каким-то другим. В капиталистическом обществе — это контроль хозяев, Наблюдательного Совета акционеров, их общего собрания.

При самоуправлении — контроль Рабочего Совета и общего собрания всех работников, т.е. опять же контроль хозяев.

Опасно требовать увеличения самостоятельности руководителей предприятий, не думая о контроле над ними, или иначе — об осуществлении принципа разделения власти. Без этого начнется элементарный грабёж и коррупция со стороны дирекции, произвол по отношению к подчиненным и снижение эффективности руководства, т.е. — все прелести авторитаризма. Когда речь идет о стране в целом, всем (по крайней мере, сторонникам демократии) это понятно, но и любой коллектив подчиняется тем же законам, что и общество.

Хорошим примером плохого понимания этого обстоятельства может служить положение в Югославии, где партийно-государственный контроль над руководителями предприятий ослабили, а Рабочим Советам и трудовым коллективам настоящих хозяйских прав не дали.

Но пойдём дальше. Органы самоуправления и коллективы будут иметь законодательные функции, как то: определение общей производственной политики предприятия, принципов распределения доходов, социальной и кадровой политики и т.д.

Наконец, масса дел и проблем всегда имеется во внутренней жизни предприятия (учреждения): от вопросов улучшения работы до сферы условий труда, взаимоотношений между работниками и руководством, и т.д.

Так что самоуправление или внутренняя демократия — вещь весьма реальная.*

Между прочим все возражения против самоуправления, которые мне приходилось слышать или читать, повторяют в сущности уже хорошо известные аргументы против демократии на уровне государства.

* * *

Подытожим. Свобода, власть и собственность — вот сжатая формула общества самоуправления.

Свобода — регулируемая правом. Власть — над ходом жизни. И собственность — на средства производства. И все это — за *каждым* членом общества. Только на этом "базисе", на этих трех китах возможно видимо создать структуру, которая позволит *всем* людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенствованию и гармоничному развитию. Движение к Свободе, Равенству и Братству.

* Еще более конкретное представление о полномочиях органов самоуправления можно получить из законопроекта "Солидарности" о самоуправлении, публикуемого в приложениях.

С самоуправления началась история человека, и к самоуправлению, на более высоком витке развития, людям суждено вновь придти, если они хотят избежать катастрофы.

СООТВЕТСТВИЕ "НАДСТРОЙКИ" И "БАЗИСА"

Чтобы самоуправление могло успешно функционировать, раскрыть все свои лучшие свойства и не приносить ущерба обществу, представляются необходимыми следующие элементы соответствия в экономической и политической структуре общества.

@ Коллективная, групповая собственность на средства производства и продукты труда — гарантия экономической независимости людей от государственной власти или работодателей и одновременно защита для общества от ошибок или злоупотреблений отдельных коллективов (за которые никто не должен расплачиваться, кроме них самих); ну и, конечно, — условие максимальной заинтересованности людей в добросовестном труде.

Групповые предприятия не должны находиться на дотации у государства. Заработная плата должна целиком зависеть от выручки с продажи продукции (или услуг) и начисляться в зависимости от квалификации и выработки членов коллектива. Все нормы и правила для распределения выручки и размер отчислений в различные фонды устанавливаются коллективом.

Отметим, что групповая (или коллективная) собственность не тождественна кооперативной. Последняя создается на паевых вкладах, и только вкладчики участвуют в дележе прибыли соответственно величине своих паев. При этом вкладчики могут не работать на предприятии, и может соответственно широко применяться наемный труд.*

* От акционерного кооперативное предприятие отличается отсутствием свободно продающихся акций.

Групповая же собственность предполагает распределение прибыли только среди работников предприятия, и наемный труд отсутствует, за исключением исполнения временных договорных работ. Любой работник, принимаемый на постоянную работу, становится после определенного испытательного срока полноправным совладельцем предприятия и его прибылей.

@ Самоуправление немыслимо без рыночной конкуренции, без свободного рынка товаров и услуг как единственно эффективного способа оценки их качества и потребности.

Оба принципа необходимы и для преодоления главного противоречия национализированной экономики, когда производители *сдают* продукцию государству, а как потребители — ее *покупают*. При самоуправлении на основе групповой собственности на средства и продукты производства, производители *продают* свои изделия (по ценам свободного рынка!). Причем в качестве продавцов выступают все работники предприятия, (прибыль делится на всех!), а не одни лишь хозяева и администраторы, как на капиталистическом предприятии. И это увеличивает добросовестность труда всех работников. Работа самоуправляющихся предприятий на Западе дает тому подтверждение.

@ Самоуправление предполагает ликвидацию агрессивной конкуренции (конкуренции в накоплении капиталов).

Эта конкуренция, как мы увидим далее, несовместима с самоуправлением и групповой собственностью. И можно не жалеть об этом, ибо агрессивная конкуренция, как мы уже говорили, порождает все главные негативные свойства капитализма.

Советские марксисты, как и апологеты капитализма, не хотят признать, что существуют два вида экономической конкуренции — рыночная и агрессивная. Они ставят людей перед выбором: либо конкуренция, либо ее отсутствие (при национализированной промышленности). Но и тут есть третий путь, путь *синтеза!*

Агрессивная конкуренция возникает тогда, когда для каждого отдельного предприятия, будь оно коллективным или частным, или кооперативным, становится возможным расширенное воспроизводство (экстенсивное расширение производства — накопление капитала). И самоуправляющиеся коллективы в этом случае точно так же, как и частники, будут расширять свое дело за счет привлечения на новые рабочие места *наемных* работников, т.е. эксплуатируемых, с которых они будут стричь прибавочную стоимость в свой коллективный карман. А точнее — большую часть вновь откладывать, копить для нового расширения. Ибо, кто не будет расширяться, того рано или поздно разорят, или съедят, присоединят в качестве *эксплуатируемых* другие коллективы. В агрессивной конкуренции решающий фактор — величина капитала!

Таким образом, агрессивная конкуренция ведет неизбежно к сужению и ликвидации самоуправления, ведет к капитализму, причем анархическому, допотопному, с жестокой эксплуатацией *наемных* рабочих.

Расширяться же, не эксплуатируя новых рабочих, не удерживая с них прибавочную стоимость, все равно что своими руками, за счет своих средств, создавать себе конкурентов. Никто добровольно не пойдет на такой идеализм.

Но запрещать расширенное воспроизводство коллективным или частным предприятиям, разумеется, нельзя. На запрещениях, насилии здоровой экономики не создать.

И здесь я вижу только одно ненасильственное средство: расширенным воспроизводством должно заниматься государство, и новые предприятия *бесплатно* передавать новым, образуемым с помощью государства, коллективам.

Тогда, имея возможность пойти "работать хозяином" на такое новое предприятие вряд ли кто захочет идти в эксплуатацию к уже существующим коллективным предприятиям (или к частникам), если бы они захотели расширяться. Такое расширение сделалось бы невозможным.

Финансировать расширенное воспроизводство государство сможет за счет налога с прибыли предприятий. Старшее *работающее* поколение будет, как бы вкладчину, совместно обеспечивать делом младшее поколение.

Государственное воспроизводство сможет проводиться, исходя из анализа рынка и согласно перспективному плану развития, утвержденному представителями *всех коллективов*. Эгоистические интересы коллективов определенной отрасли, не заинтересованных в создании новых предприятий в их отрасли (ради поддержания высоких цен на их продукцию), будут всегда перекрываться голосами представителей остальных коллективов, заинтересованных, естественно, в снижении цен на потребляемые ими товары.

Размещение государством средств на строительство новых предприятий с учетом анализа *объективных* сигналов свободного рынка (свободного и от монополий!) делает вероятность ошибок достаточно малой.

Возможно создание новых групповых предприятий с помощью государства и по инициативе частных лиц. За свою инициативу они будут вознаграждаться занятием руководящих позиций в новых предприятиях и соответственно высокими заработками. (При условии, конечно, что их коллектив будет доволен их работой.)

Для строительства новых предприятий государство сможет привлекать коллективные строительные фирмы и проектные институты, которые будут нести материальную ответственность перед государством и будущими хозяевами за качество строительства. Представители вновь организуемых коллективов должны будут конечно участвовать в разработке проектных заданий. В помощь им наверняка возникнут самостоятельные консультативные фирмы.

Создавая новые самоуправляющиеся предприятия, государство будет, очевидно, оставаться их юридическим владельцем — до полной амортизации оборудования. Коллектив до того времени не вправе распоряжаться оборудованием и зданиями (перестраивать, продавать и т.п.) без разрешения соответствующих госинстанций. А в случае банкротства обязан отдать предприятие государству.

Таким образом мы видим, что проблема расширенного воспроизводства является центральной экономической проблемой самоуправления.

При невозможности агрессивной конкуренции, т.е. *экстенсивного* расширения производства, конкуренция между коллективами будет идти за счет *интенсивного* развития. То есть за счет совершенствования техники и технологии, улучшения качества товаров (или услуг) и их ассортимента, снижения себестоимости и цен. А интенсивное развитие всегда и везде (будь то развитие предприятия или страны) здоровее экстенсивного и не ведет к монополизации и ущемлению свободного рынка.

Целью производства станет увеличение личного благосостояния членов коллектива, уменьшение рабочего дня, облегчение и интеллектуализация труда. Руководители, кроме того, будут иметь возможность самоутверждения в достижении высоких результатов их предприятием, в "игре" на рынке.

Производство пойдет, наконец, по формуле: *товар — деньги — товар*. Человек перестанет быть средством накопления, а деньги — целью, как в случае цикла: *деньги — товар — деньги*, присущего частному и государственному капитализму. Исчезнет и присущий этому циклу кошмар инфляции.

Расширенное воспроизводство в руках общества при конкуренции групповых предприятий (а также кооперативных и частных) на свободном рынке открывает возможность желанного синтеза между планированием развития экономики в перспективных интересах общества и свободой хозяйственной деятельности в интересах производителей и потребителей.

Необходимо также отметить, что государственное расширенное воспроизводство будет необходимо в начале процесса демократизации тоталитарного социализма и по чисто прагматической причине: кроме государства, никому не под силу будет начать ликвидацию диспропорций в структуре промышленности — проводить ускоренное развитие группы "Б" и перестройку многих предприятий в группе "А" на производство средств потребления.

Только у государства могут быть достаточные для этого средства. А такая перестройка, как мы видели, будет поначалу центральной задачей в любом случае.

Отметим, что часть производств должна будет, конечно, остаться в собственности государства.

За государством должны сохраниться, вероятно, те отрасли, где невозможна конкуренция по качеству продукции и где *централизация* важнее конкуренции, то есть такие, как энергетика, связь, тяжелый транспорт, или где экономическая конкуренция вредна: наука, образование, медицина, юридическое обслуживание. В последних двух областях возможна двойная оплата труда: государственный минимум и доплата клиентов (или страховых касс) по *твердым* тарифам прямо в руки пользующихся специалистами, с отчислением процентов в кассу всего коллектива, чтобы ему выгодно было привлекать хороших специалистов.

Вероятно государство должно будет создавать и оставлять себе некоторые принципиально новые, экспериментальные производства до времени, когда будет доказана их нужность. Государство сможет пойти на такой риск, так как будет достаточно богатым, освободившись от необходимости постоянно изыскивать средства для затыкания брешей в тотально национализированной экономике.

Земля и недра, вероятно, также должны оставаться за государством, т.е. принадлежать всему обществу, а крестьяне (или колхозы) и коллективы старателей будут в этом случае арендаторами. При этом легче будет производить и крупное землеустройство, и осуществлять охрану природы. Но возможны здесь, наверное, и смешанные формы: часть земли — за государством, часть — в частной или коллективной собственности.

В торговле, обслуживании, кустарной и мелкой легкой промышленности возможна и полезна, разумеется, частная и кооперативная инициатива (в конкуренции с коллективными предприятиями).

* * *

Наконец, важно отметить, что государственное расширенное воспроизводство самоуправляющегося сектора делает всю систему открытой для любой эволюции.

Если, например, частные или кооперативные предприятия будут так преуспевать, что смогут и капитал растить (вести самостоятельное расширенное воспроизводство), и платить своим наемным рабочим больше, чем будут зарабатывать рабочие на самоуправляющихся предприятиях, тогда, возможно, рабочая сила начнет течь и перетекать в частный сектор, и он начнет обгонять в развитии сектор групповой. При этом развитие капитализма будет идти достаточно медленно и плавно, чтобы не породить анархии и всех других негативных явлений молодого капитализма.

Другое дело, что это вряд ли произойдет. Многолетняя уже практика существования самоуправляющихся групповых предприятий на Западе (о которых подробнее речь пойдет в следующей главе) показывает, что рабочие на этих предприятиях зарабатывают больше, имеют лучшие условия, и самоуправляющийся сектор на Западе растет.

Важный вопрос: существует ли где-либо какой-то прообраз описанного выше механизма расширенного воспроизводства? Существует — в больших капиталистических корпорациях, разбитых на самостоятельные филиалы.

У Терещенко, бывшего американского экономиста, вернувшегося в СССР, я прочел поучительную историю трансформации предприятия Форда. Его "империя" с некоторых пор по непонятным причинам начала становиться нерентабельной. Никакие меры не помогали. В конце концов были приглашены специалисты по научной организации труда и управлению. Обследовав "империю", они пришли к выводу, что единственная причина падения рентабельности заключается в ее размерах, затрудняющих обратные связи и "местную" инициативу. Они рекомендовали разделить фирму на ряд самостоятельных филиалов,

вплоть до конкуренции между ними, оставив за центральным правлением в основном лишь вопросы расширенного воспроизводства и "внешней" торговли. Форд последовал их совету и спасся от разорения. Иными словами, он допустил рыночную конкуренцию между филиалами.

Здесь мы ясно видим расслоение конкуренции на рыночную и агрессивную. Конкурируя во всем, филиалы не могут лишь конкурировать в самостоятельном расширении, в накоплении капитала, не могут съедать друг друга. Агрессивную конкуренцию с внешним миром продолжает вести общий капитал Форда.

Расширение этой модели на все общество и дает в сущности экономическую структуру самоуправления.

Впрочем, точнее будет сказать *сужение*, ибо крупные корпорации действуют в международном масштабе. Агрессивная конкуренция заставляет их рыскать по всему свету в поисках мест для капиталовложений.

Для принятия решений (о капиталовложениях) им приходится изучать конъюнктуру мирового рынка! Но справляются — (хотя и не без ошибок!) с помощью компьютеров и современных методов экономической математики.

В обществе самоуправления у государственных органов, ведающих капиталовложениями (расширенным воспроизводством), задачи окажутся проще, так как район их действий, как правило, будет ограничиваться рынком страны. Кроме того, в обществе самоуправления предполагается сильно развитое региональное самоуправление, и существование, соответственно, региональных органов для капиталовложений в своем регионе, исходя из местных нужд.

Ну и не забудем, что в обслуживании, торговле и легкой промышленности будет действовать частная инициатива, с возможным преобладанием в двух первых отраслях.

В заключение вспомним для сравнения, в чем Ленин видел примеры "созревания нового общества в недрах старого". В образе централизованной почты или прусского

казарменного госкапитализма! Это логично вытекало из его представлений о социалистическом обществе, "организованном как одна контора и одна фабрика с равенством труда и равенством оплаты." ("Государство и революция")

* * *

В вопросе о расширенном воспроизводстве среди сторонников и теоретиков самоуправления существуют серьезные разногласия. А именно, существует мнение, что расширенное воспроизводство должно быть все-таки главным образом делом самоуправляющихся предприятий, т.к. государственные власти, мол, не смогут его осуществлять достаточно оперативно и эффективно.

На этой точке зрения стояла группа чехословацких реформаторов во главе с Ота Шиком. "Следовало дать возможность промышленным предприятиям, — говорил Ота Шик в одной из лекций*, — за свои средства самим открывать новые предприятия."

Для сдерживания гонки в накоплении капитала и смягчения эксплуатации наемных рабочих Шик предлагал установить в законодательном порядке твердое соотношение в распределении доходов самоуправляющихся предприятий на накопление (расширенное воспроизводство) и на потребление (зарплата, социальные нужды и т.д.).

В 1974 г. я имел дискуссию на эту тему с Ота Шиком и высказал мнение, что в условиях демократии, свободного рынка и региональной автономии государственное расширенное воспроизводство может быть вполне эффективным, сослался на успешную практику централизованного капиталовложения в гигантских концернах.

Мы с Шиком конечно не убедили друг друга. И хотя я знал, что не все чешские экономисты-реформаторы были согласны здесь с ним, я все же чувствовал себя не очень уверенно: смущал авторитет Шика. И потому я был осо-

* "Грани", № 86, 72 г., ФРГ.

бенно рад увидеть через 7 лет, в 1981 году, что в программе "Солидарности" под названием "Направление деятельности" (в разделе о самоуправлении) четко значилось: "Государственные власти должны выделять средства для создания новых рабочих мест."

Отвергнута была и система акций — одного из главных средств частного, капиталистического расширенного воспроизводства. То есть авторы программы "Солидарности" блокировали возможность капиталистической трансформации самоуправляющихся предприятий.

Отметим попутно поразительную нелогичность живой жизни по сравнению с логикой наших завзятых антикоммунистов: "католическая" "Солидарность" оказывается левее коммунистов-реформаторов, возглавляемых членом политбюро ЦК КПЧ Ота Шиком!

Но вернемся еще раз к сути дела. Альтернативой государственному расширенному воспроизводству, как мы уже отмечали, может быть только капиталистическое развитие, пускай и более мягкое, сбалансированное и постепенное в случае устанавливаемого законом соотношения между накоплением и потреблением. (Я уж сейчас не говорю о том, сможет ли на практике работать такое законодательство!) И система в этом случае не будет открытой для соревнования различных экономических укладов (группового, капиталистического, государственного), ибо у молодого поколения не будет иного выбора, как идти в наемные работники на самостоятельно, экстенсивно расширяющиеся предприятия, коллективные или частные. Возникнет дикая картина: люди старшего поколения будут работать на самоуправляющихся предприятиях, богатеть, пользоваться всеми благами внутренней демократии, а младшие поколения, дети, ничего этого как правило иметь уже не будут. Поздно родились!

Разумеется, открытой система не станет и в том случае, если государство, занимаясь расширением группового сектора, будет каким-либо способом подавлять самостоятельное расширение предприятий (если оно окажется вдруг возможным). Но в условиях демократии

общество способно этого не допустить.

Пойдем дальше в исследовании и конструировании структуры общества самоуправления.

@ **Доверительная централизация.**

При тоталитарном государственном социализме господствующий метод руководства "народным" хозяйством — "демократический централизм". Как мы уже говорили, точнее будет назвать его — *дисциплинарным централизмом*, когда приказ сверху, из Центра — закон для подчиненного. (Важнее законов государства!)

Очевидно, такая централизация в обществе самоуправляющихся коллективов может сохраниться лишь в государственном секторе народного хозяйства (связь, энергетика и т.п.), находясь, конечно, под контролем законодательных и судебных органов.

Что же касается отношений между государством (правительством) и самоуправляющимся сектором, то тут дисциплинарная централизация должна быть заменена централизацией, которую можно назвать *координационной, доверительной*.

На основе изучения рынка и в интересах оптимального производственного баланса (а также учета всех других нужд всего общества) государство будет давать *советы* коллективным предприятиям относительно желаемого ассортимента и объема их производства. И у коллективов будут все основания *доверять* советам государства, так как благосостояние государственного бюджета будет зависеть от благосостояния коллективов: чем выше будут доходы коллективов, тем полнее — проценты подоходного налога, взимаемого государством.

Кроме советов (и целенаправленного капиталовложения, государство сможет влиять на экономическое положение и развитие и с помощью ряда других методов, применяемых сейчас в буржуазнодемократических странах, но не связанных с интервенцией государства в экономику.

@ Политическая структура.

Тут возникает новое условие соответствия — государство должно быть объективным посредником, судьей и одновременно исполнителем воли большинства коллективов.

Следовательно, выборы в контрольно-законодательный орган власти должны проводиться по *производственному* принципу (в сельских местностях — по территориальному). Этот орган должен быть Советом Представителей различных коллективов, не только производственных, но и всех остальных: научных, конструкторских, гуманитарных, студенческих, профсоюзных и частного кооперативного сектора.

Институт *постоянных*, профессиональных, представителей (парламентариев) будет, очевидно, ликвидирован. Представители от коллективов и ассоциаций будут выбираться в законодательные органы *лишь на один срок*. Постоянных, профессиональных, "представителей" можно называть таковыми только в кавычках. Со временем они неизбежно теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и избравшими их коллективами, и никакая "ленинская зарплата", равная зарплате рабочего, от этого процесса не спасает.

Ограничение (одним сроком) пребывания в законодательном органе резко расширит потенциальные возможности для большого числа людей быть избранными в него. Учтем тут, что значительно возрастет вес и региональных законодательных собраний.

Важно при этом не забывать, что навыки к представительской, парламентской деятельности в обществе самоуправляющихся коллективов будут воспитываться у очень большого числа людей, что называется, с пеленок, т.е. с работы в органах самоуправления в своих трудовых коллективах.

Профессионалы (профессиональные политики) будут необходимы в исполнительных органах государственной власти (как специалисты — в дирекции предпри-

ятий и учреждений!). Но и здесь, вероятно, будут ограничения по времени пребывания у власти. Будет преобладать вертикальное перемещение кадров, а не горизонтальное, как в авторитарных государствах. Исполнительные органы должны избираться, очевидно, на отдельных выборах по территориальному принципу, и кандидаты — выдвигаться политическими партиями.

Дополнительными гарантиями против бюрократизации и авторитаризма исполнительной власти может служить вертикальное разделение государственной машины на три независимые секции (на три государства в государстве) со своими законодательными и исполнительными органами, со своим бюджетом. А именно, на:

"политическую" секцию, в ведении которой будет охрана порядка, границ, природы, внешние отношения и т.д.;

хозяйственную — расширенное воспроизводство, налоги, кредит, государственные предприятия и учреждения и т.д.;

научно-культурную — наука, образование, масс-медиа, литература и искусство.

Кроме дополнительной децентрализации, это может способствовать и увеличению компетентности руководства. Между прочим, такое вертикальное разделение управления государством соответствует идее Рудольфа Штейнера о трехчленном делении общественного организма.

Разумеется, совершенно независимыми должны быть и судебные органы и институты Верховного Суда для контроля за соблюдением законов и Конституции.

@ Проблема партий.

Законодательная власть в обществе самоуправления неизбежно окажется *беспартийной* по своему характеру.

Депутаты законодательных собраний могут, конечно, быть членами каких угодно партий, но свободные самоуправляющиеся коллективы никогда не допустят, чтобы их представители защищали чьи-либо интересы, кроме интересов избравшего их коллектива. И партийная принадлежность будет играть очень маленькую роль, если не

нулевую, при выборах в законодательные органы. Маловероятным будет даже случайное преобладание людей какой-либо одной партии в законодательных органах, учитывая ограничение (одним сроком) пребывания депутатов в этих органах.

По партийному принципу должны будут формироваться лишь исполнительные органы власти, т.к. во главе их должны стоять специалисты, профессиональные политики. И поэтому кандидаты в исполнительные органы власти будут выдвигаться партиями. Иным образом выявить людей, подходящих для возглавления исполнительной власти, очень трудно.

Кроме того, члены правительства не должны защищать интересы каких-либо отдельных трудовых коллективов, в которых они ранее состояли. Они должны руководствоваться интересами всего общества, каковые будут определяться и формулироваться волей, голосами большинства депутатов контрольно-законодательных органов (в данной схеме — беспартийным советом представителей различных коллективов и ассоциаций).

В целом роль партий в жизни общества самоуправляющихся коллективов будет, как видим, значительно уменьшена.

В будущем мыслимо и полное "отмирание" партий, место которых могут занять научные группы (клубы) или институты. Они могут предлагать стране или парламенту (Совету представителей самоуправляющихся коллективов) свои программы и методы решения проблем и выдвигать на выборах кандидатов в правительство для реализации своей программы. Сейчас ведь тоже программы серьезных партий разрабатывают за кулисами группы экспертов.

Среди сторонников самоуправления по вопросу о партиях существует и два других направления. Одно — за обычную многопартийную систему, другое — за целиком беспартийную. Ота Шик в своем франкфуртском докладе

по этому поводу говорит следующее:

“В нашей среде было два направления: одно стремилось только к плюрализму (большее количество политических партий), а другое — должен сказать, что я принадлежал к нему и защищаю его и сегодня, — пыталось искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее, что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности во всех партиях все решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами (которые могут быть долговременными или кратковременными) для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более гибкую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в народном фронте. Мы пытались провести это на практике, и через народный фронт придти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным; к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития.”*

Я прежде тоже почти полностью стоял на подобной позиции, что и отражено в книге “Свобода, власть и собственность” и в более ранних моих работах.

Но в результате дискуссий со сторонниками многопартийной системы и более углубленного обдумывания вопроса я пришел к “компромиссной” или синтезной модели, изложенной выше.

Как видит читатель, она построена не на оценочных суждениях — хороши партии или плохи, — а на принципе соответствия политической структуры характеру и потребностям общества самоуправляющихся коллективов.

* “Грани”, № 86, 1972 г., ФРГ.

Подтверждение верностисинтезной модели я вижу в политической системе США.

Действительно, США — страна наиболее развитого регионального самоуправления (штатов, городов). И в результате избиратели заинтересованы в том, чтобы их делегаты в Конгрессе представляли и защищали более всего интересы их региона, а не интересы каких-либо партий. В США выборы в Конгресс проходят не столько по партийному принципу, сколько по доверию, которое внушает личность и личная программа кандидата как *представителя* города или штата. Вследствие этого депутаты Конгресса слабо связаны партийной дисциплиной. Почти по любому вопросу одни депутаты — члены демократической партии объединяются с депутатами — республиканцами против временного объединения других демократов с другими республиканцами. Конгрессмены руководствуются более волей своих избирателей и своим пониманием проблем, нежели мнением руководства своей партии. Таким образом, законодательная власть в США имеет весьма выраженный беспартийный характер.

В то же время исполнительная власть в США вполне партийна. Кандидаты в Президенты выдвигаются партиями и избираются на отдельных выборах. Затем сами подбирают остальных членов исполнительной власти — правительства. То есть правительство не формируется парламентом, Конгрессом и не зависит от игры голосов в Конгрессе, как это имеет место в Европе. Конгресс контролирует деятельность правительства, принимает законы и имеет процедуру, позволяющую лишить полномочий любого члена правительства, включая Президента (“импичмент”) в случае нарушения им законов и Конституции.

И наконец, Президент США и, следовательно, его администрация, правительство, не имеют права оставаться у власти более двух сроков. Там, где есть самоуправление, имеется и повышенная заинтересованность в том, чтобы исполнительная власть не становилась над обществом!

Отметим также, что принцип сочетания партийного правительства с беспартийным парламентом открыва-

ет и более широкую дорогу для эволюционной демократизации тоталитарных социалистических стран. Если произойдет демократизация коммунистической партии (под давлением, разумеется, общественности и объективных обстоятельств), то до образования других достаточно мощных и авторитетных партий с опытным руководством исполнительная власть может оставаться в руках коммунистической партии, но под контролем беспартийной по своему характеру законодательной власти, состоящей из избранных по производственному принципу представителей предприятий и учреждений, а также объединений однородных мелких трудовых коллективов, колхозов, совхозов и т. д.

* * *

А теперь волнующий вопрос: что говорится по поводу политической структуры в программах "Солидарности" по самоуправлению?

Говорится там об этом, естественно, немного (нельзя гусей дразнить!), но говорится. В программе, называющейся "10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся", — *десятое условие*: "Создание Палаты Самоуправления (второй палаты) Сейма, что является условием, обеспечивающим рабочим Советам и другим органам общественного самоуправления *непосредственное* влияние на принятие общегосударственных хозяйственных решений."

Ясно, что эта палата в соответствии с ее назначением должна формироваться из представителей самоуправляющихся коллективов, наделенных директивными мандатами защищать интересы избравших их коллективов. То есть эта вторая палата Сейма должна быть беспартийной по характеру!

И, разумеется, если большинство предприятий в стране будет самоуправляться, то эта вторая палата станет первой по значению.

@ Судьба профсоюзов.

Их роль, очевидно, уменьшится еще сильнее, чем у партий.

В самоуправляющихся предприятиях или учреждениях никаких профсоюзов естественно не останется. Надобность в них сохранится лишь там, где будет сохраняться наемный труд: в государственном, частном и кооперативном секторах.

Исчезнет, разумеется, в самоуправляющемся секторе и необходимость в забастовках и, следовательно, исчезнет серьезная статья материальных потерь (при капиталистическом производстве).

@ Армия и органы охраны порядка.

В самоуправляющемся обществе должен быть изменен способ формирования армии и органов охраны порядка. Регулярная армия (за исключением пограничных войск, и технических) должна быть, очевидно, заменена отрядами народной гвардии. Опыт тут уже имеется большой.

Такой принцип формирования армии будет иметь и психологический эффект: даст людям дополнительную уверенность в нерушимости их прав и хорошую гарантию от всяческих "генеральских" авантюр.

В то же время органы охраны порядка — полиция или милиция — должны будут формироваться по принципу нынешних регулярных армий, то есть путем срочного призыва. Профессиональная полиция (милиция) неизбежно отчуждается от народа. Да и вообще нет ничего более бессмысленного и пагубного для нравственности человека, чем профессия надсмотрщика над людьми!

Принцип "сегодня я надсматриваю, а завтра — ты" будет чрезвычайно благотворно сказываться на развитии сознательной дисциплины и уважения к законам.

Исчезнет традиционная вражда между народом и полицией, доходящая до ненависти в тоталитарных странах.

Принцип "вооруженного народа" был, как известно, взят на вооружение марксизмом. И сами же марк-

систы в СССР в первую очередь отказались от него.

Иначе и быть не могло в условиях госкапитализма, который как никакой другой строй нуждается в свирепом подавлении народа.

@ **Институт решающего голоса.**

Последним по порядку, но не по важности, является Институт Решающего Голоса. Мы рассматриваем этот пункт в конце, так как в начале, до рассмотрения других принципов и устоев самоуправления, он мог бы показаться утопичным.

В самоуправляющемся обществе *каждый гражданин по достижении определенного возраста должен иметь решающий голос* в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства, а также предприятия (учреждения), где он работает, если оно самоуправляющееся.

Соответственно гражданин должен иметь право на выступление в любых органах власти или в их официальных печатных органах; право постановки на обсуждение какого-либо предложения; право требовать создания комиссий или проведения всенародного (или регионального) референдума по какому-либо вопросу.

Для реализации этих прав (и защиты против злоупотреблений ими) необходимо будет, разумеется, разработать определенную процедуру предварительного обсуждения и утверждения индивидуальных инициатив на низших уровнях.

Конечно, в налаженном самоуправляющемся обществе необходимость такого вторжения рядовых граждан в работу государственных органов будет не частой. Но здесь опять же чрезвычайно важны *возможность и право* на такое вторжение, что вместе с другими правами, возможностями и установлениями будет создавать психологическую атмосферу уверенности людей в реальности своей свободы-власти, атмосферу сопричастности, ответственности и неотчужденности от хода жизни общества.

Для оперативной реализации решающего голоса и всех других демократических процедур обсуждения и ре-

шения различных вопросов уже современная техника связи и подсчета дает достаточные возможности. Легко представить себе, например, что в каждом коллективе (или в его достаточно большом подразделении) можно будет установить стационарное и всегда готовое к действию оборудование селекторной связи с другими коллективами и со всеми инстанциями власти (как контрольно-законодательной, так и исполнительной): телетайпы, телеустановки и т.д. И при них — машины для голосования, связанные в одну сеть с центральной станцией подсчета голосов.

Такая система связи и подсчета сделает легким и оперативным любое обсуждение.

Право решающего голоса за каждым членом общества во всех касающихся его делах и во всех организациях, членом которых он состоит, необходимо рассматривать и как правовую формулу (суть) самоуправления, и как неотъемлемое основополагающее право истинно свободного человека.

Все остальные ныне декларируемые права человека без права решающего голоса не могут быть полностью гарантированы и по-настоящему действенны.

Описанная выше приблизительная модель самоуправления общества является логическим следствием права решающего голоса и одновременно суммой средств для его реализации.

И верится, что настанет время, когда люди осознают органичность, законность и неотъемлемость этого своего права. Осознают его и как свое главное право, и как главный признак истинной демократии.

Верится, что право решающего голоса будет стоять во главе Декларации прав человека.

В заключение этого обзора — ряд дополнений.;

⊗ **Абсолютная дисциплина и условная.**

Нынешняя абсолютная дисциплина является, как мы уже отмечали, совершенно нетерпимой и с нравственной точки зрения. Если мы ясно еще не осознаем этого,

то все по той же причине, что не верим в возможность порядка, при котором абсолютная дисциплина станет ненужной.

Но если вдуматься, что может быть безнравственнее, чем когда один человек (да еще в течение всей жизни) распоряжается судьбой другого человека, да подчас еще судьбой его семьи, его детей. Когда он может безнаказанно оскорблять, унижать, травить, понижать, выживать своих подчиненных; может (и часто вынужден) не считаться с их самыми человеческими просьбами и желаниями, с их положением и с их мнением.

В то же время — этот человек вынужден сам бегать "на полусогнутых" перед своим начальством!

И как же тут все изменится, когда, руководя своими товарищами и коллегами, человек будет знать, что завтра он окажется в их положении. Как быстро тут научатся люди, с одной стороны, не упиваться, не злоупотреблять властью, а с другой — добросовестно выполнять поручения и приказы, которые к тому же будут отдаваться во исполнение принятых всеми решений, в общих интересах. Легко будет отдавать такие приказы и руководить. Исчезнет проклятая стена, которая вмиг отделяет тебя от твоих бывших товарищей, как только ты становишься начальником. Исчезнет неизменная скрытая враждебность, настороженность, подозрительность.

Только когда спадет с плеч людей абсолютная дисциплина, они осознают, какую тяжесть носили. Дисциплину в самоуправляющихся коллективах можно будет назвать *условной*. Люди в сущности будут *устанавливаться* о посменном распределении на роли начальников и подчиненных для успешного исполнения и реализации общих решений и интересов.

Принцип временного пребывания на руководящих постах (на всех уровнях) является, важнейшим для самоуправления наряду с принципом пресечения агрессивной конкуренции. Современные сторонники самоуправления стоят не за то, чтобы каждая кухарка могла управлять государством, а чтобы им (и заводом, институтом и т.д.) не управляли одни и те же люди бессменно.

© Гигантские предприятия.

Могут спросить, а что делать с крупными предприятиями, на которых очень трудно наладить самоуправление?

Во-первых, не так уж трудно. Оно может быть там ступенчатым, по отделениям, цехам. Во-вторых, такие предприятия часто можно будет разделить на самостоятельные производственные единицы.

Наконец, важно понимать, что укрупнение заводов не диктуется потребностями развития производительных сил, особенно в условиях нынешней технотронной революции. На Западе укрупнение диктуется в основном требованиями агрессивной конкуренции. А при госкапитализме — нехваткой капитала. Один гигант дешевле построить, чем несколько средних заводов в разных местах.

Как пишет Олдос Хаксли ("Наука, мир и свобода"), исследования экономистов показали, что выигрывает в себестоимости производства на гигантских предприятиях перечеркивается не только затруднением обратных связей, но и возрастающими затратами на транспортные и перевалочные операции по доставке сырья к заводам и продукции — к потребителям. Не говоря уже о том, что гигантские заводы и коллективы угнетающе действуют на психику людей.

© Развитие техники.

До недавнего времени большинство людей в мире не осознавало, что в развитии техники и технологии могут быть совершенно разные направления. Теперь многие уже стали требовать такого развития техники, которое не приносило бы ущерба окружающей среде и человеку.

Но слишком мало людей еще осознает, что в развитии техники возможны три пути.

На "втором пути" развития техники, наиболее гуманном на сегодняшний день, конструкторы думают лишь о том, чтобы техника и технология не приносили вреда здоровью людей и, создавая определенные удобства работникам, способствовали увеличению производительности их труда. То есть, производительность (а также рентабельность техники) все-таки остается во главе угла. И в

системах, где накопление капитала, частного или государственного, остается самоцелью, иного подхода и быть не может. Да и как бы конструктор ни стремился учесть интересы работников, он никогда не сможет осознать их так, как сами работники!

В обществе же самоуправления, когда работники будут иметь решающее слово в определении исходных данных проектирования и в одобрении проектов и опытных образцов, начнется развитие совершенно новой техники и технологии.

Определять такое развитие техники будут следующие очевидные цели:

- а) интеллектуализация труда, стремление к максимальному вытеснению канцелярского и физического труда или, по великолепному определению Андрея Платонова, труда повторительного, самого тяжелого для человека — существа, обладающего творческим Разумом;
- б) забота работников о своем здоровье;
- в) ну и конечно — забота об окружающей среде.

Между прочим, необходимость в повторительном канцелярском труде значительно уменьшится с ликвидацией гигантской централизованной машины госкапитализма и разукрупнении многих предприятий и учреждений.

Не нужно, думаю, доказывать, как важно подобное развитие техники и условий труда для все той же цели — защиты человека от страха перед временем, для все большей удовлетворенности все большего числа людей своей жизнью.

* * *

@ Каким именем можно назвать описанный выше строй-путь? И можно ли назвать его социалистическим строем?

”Вопрос этот, думаю, решится историей”, — писал я в книге ”Свобода, власть и собственность”.

Прошло всего лишь 4 года с момента издания книги (с 1977 по 1981 годы) — ”Солидарность” начала борьбу за самоуправление, и похоже — история уже решила этот

вопрос. Лех Валенса и ряд других активистов "Солидарности" не раз уже употребляли словосочетание "социалистическое самоуправление".

Я раньше к укладу самоуправления применял понятие "третий путь". И в известном смысле это, конечно, третий путь по отношению к реальности сегодняшнего дня. Путь синтеза, но одновременно, стало быть, это и продолжение того единственного пути, по которому идет человечество с доисторических времен — пути развития гуманизма, демократии, повзросления, а можно сказать и очеловечивания человечества.

Строй самоуправления, каковы бы ни были наши эмоции, является социалистическим: и потому, что он предполагает коллективное (групповое) владение средствами и продуктами производства, и потому, что он утверждает *на деле* социалистический цикл (формулу) в экономике: Т — Д — Т (товар — деньги — товар), т.е. ставит во главу угла интересы человека, а не капитала. Вот если бы расширенное воспроизводство было функцией самоуправляющихся коллективов, то такое самоуправление надо было бы назвать капиталистическим.

Итак, социалистическое самоуправление. Когда же исчезнет с лица земли тоталитарный социализм, страны самоуправления наверняка начнут называть просто социалистическими, без каких-либо прилагательных.

Но пока что важно осознавать, что модель общества самоуправления и групповой собственности принципиально отличается от всех ныне существующих видов социализма, для которых характерна в той или иной степени или форме интервенция государства в экономику и усиление госкапитализма.

@ **две диалектические триады.**

На международном конгрессе сторонников самоуправления (конгресс "Третий путь", Ахберг, ФРГ, июль 75 г.) у меня состоялась дискуссия с Яковом Шером. Он считал, что должен быть сформулирован один основополагающий принцип для каждой системы, из которого все остальное вытекало бы с неизбежностью. Таким принци-

пом, например, для ленинского социализма является всеобщая национализация, из которой с неизбежностью вытекают все ее следствия, вплоть до сталинизма.

Для самоуправления таким главным принципом Шер считал "самособственность" (то, что я называю групповой собственностью) и возражал против каких-либо еще дополнительных принципов, вроде государственного расширенного воспроизводства или предлагаемого Ота Шиком законодательного регулирования доли потребления и накопления. Все это, утверждал Шер, умаляет и ограничивает свободу самоуправления.

Я же возражал ему, что без таких ограничений "самособственность" трансформируется в первобытный анархический капитализм и т.д., и не понимал, как можно этого не понимать!

Но любая дискуссия приносит пользу. Я почувствовал, что в требовании Шера есть рациональное зерно. Государственное расширенное воспроизводство необходимо, чтобы не допустить коллективы до агрессивной конкуренции. И тут я увидел, что можно сформулировать один основополагающий экономический принцип самоуправления: *рыночная конкуренция*; а вслед за этим — что можно по-новому сформулировать и диалектическую триаду, положив в основу не формы собственности, а *формы конкуренции*. Действительно, не формы собственности, как мы привыкли считать, а формы конкуренции определяют три обсуждаемых нами уклада — капитализма, государственного капитализма и самоуправления — тезиса, антитезиса и синтеза.

Агрессивная конкуренция наиболее полно и однозначно определяет капитализм.

Рыночная же конкуренция определяет с неизбежностью все описанные выше принципы и институции самоуправления: групповую собственность, государственное расширенное воспроизводство, новый тип государства и т.д.

Но какова форма конкуренции при госкапитализме? Сам госкапитализм утверждает, что он вообще уничтожает конкуренцию. (Социалистическое соревнование — столь

же реальное понятие, как и социалистический реализм.) Но жизнь без конкуренции немыслима. И на мой взгляд, государственный капитализм порождает конкуренцию *административную*. То есть, конкуренцию между администраторами за лучшее выполнение планов и указаний свыше, или точнее, за более ловкий обход их под напором сиюминутной экономической необходимости (необходимости затыкания брешей). Или еще проще — за "красивые" цифры в отчете, за "накопление" цифр.

И если для агрессивной капиталистической конкуренции характерен лозунг: "деньги не пахнут", то для административной: "цифры не пахнут".

Таким образом, диалектическая триада приобретает следующий окончательный вид: агрессивная экономическая конкуренция — административная — и вновь экономическая, *рыночная*, конкуренция.

@ Как пришел я к идеям самоуправления?

Помню, как одна знаменитая диссидентка, эмигрировавшая много позже меня, сказала: "Я видела в России вашу книгу ("Свобода, власть и собственность"), но не читала. Меня эти вопросы уже давно не интересуют!" Эта женщина, как и большая часть советских диссидентов, эволюционировала в эмиграции в направлении "религиозно-духовном" (а заодно и антидемократическом: "авторитарно-националистическом"). И под э т и м и она подразумевала вопросы "материалистические", "заземленные" (экономика, социология и т.д.).

Я ничего не сказал ей, а про себя подумал: так ведь я-то пришел к "этим вопросам", наблюдая за кошмарными условиями жизни людей в России и думая о том, что можно сделать. Мне самому приходилось достаточно страдать от этой жизни, и в материальном, и еще более в моральном плане, однако, когда я из привилегированной Москвы попадал в провинцию, в Россию, ужас безысходности охватывал меня всякий раз, и еще долго мучал вопрос, как и отчего могла случиться такая жизнь в великой и богатейшей ресурсами стране, и что тут можно сделать?

Подталкивало эти раздумья вероятно и то обстоятельство, что отец мой был в прошлом революционером, большевиком, притом из пролетариев. Сначала был матросом в русском и английском флотах, затем рабочим в США, самым "черным" рабочим, неквалифицированным. Там он уже приблизился к революции, примкнув к I.W.W. — "Индустриальные рабочие мира", первой в Америке рабочей, анархосиндикалистской партии; участвовал в первом походе безработных на Вашингтон — "голодном марше". Услышав о Февральской революции 17 года, отец кинулся на родину, в революцию, в большевики.

Естественно, опыт отца сильно повлиял на меня. В 16 лет я уже знал от отца всю подноготную борьбы за власть после смерти Ленина. "Анархисты были правы, — часто говаривал отец. — Вожди — это большое дерьмо! Вот они и погубили нашу революцию!" Я принял в себя и часть отцовской боли, и главный его вопрос: "Как же это случилось, что все пошло совсем не в ту сторону?" И, наверное, часть ответственности отца за это принял на себя.

Далее, помогла мне и сама власть: не дала стать ученым-химиком из-за "пятого пункта", избавив тем и от последних сантиментов по отношению к строю. И сблизилась с народом: пришлось учительствовать в школе, притом в школе рабочей молодежи. Перейдя затем в журналистику, я много ездил по заводам и стройкам (ведь за плечами у меня было научно-техническое образование, и мне легче было разбираться в проблемах производства), находился все время в контакте с заводскими людьми, с "инженерно-рабочим" классом, как я его потом определил для себя.

И многих из этого "класса" интересовал тот же самый вопрос: "Что можно сделать?" Постепенно он стал главным моим вопросом. Большинство интеллигенции и диссидентов этот вопрос не занимал, особенно в той его "заземленной", плоскости, в какой он вставал передо мной и заводскими людьми. И не будь у меня с ними тесного общения, вряд ли пришел бы я к тому ответу на свой вопрос, который я здесь изложил.

Приходил к ответу постепенно, в течение многих лет.

Подталкивали смутные сведения о Югославии, более ошутимым толчком были венгерские и польские события 56 года — борьба рабочих и там и там за Рабочие Советы, за самоуправление.

Сильную поддержку дала мне статья Олдоса Хаксли "Наука, мир, свобода", которую я выше цитировал. Перевод ее ходил в самиздате, я наткнулся на него у биофизиков в Пушкинском академгородке где-то в середине 60-х годов. Олдоса Хаксли я считаю пионером современного обоснования системы самоуправления и ее значения как начала новой эры и спасения для человечества.

Очень помог Андрей Платонов своей "Потухшей лампой Ильича" и вообще глубоким проникновением в психологию и положение рабочего человека.

"Пражская весна" мне уже почти ничего не дала в сфере идей, кроме еще одного веского аргумента в пользу самоуправления как альтернативы тоталитарному социализму. К 68-му году основные идеи у меня уже сформировались, и я уже имел черновик книги, посвященной им, ради которой давно готовился к бегству на Запад. Первая работа о самоуправлении в завуалированной беллетристической форме — повесть "В почтовом вагоне" — была опубликована в 62 году в ж. "Москва".

У Льва Толстого Пьер Безухов, приехав из-за границы, делает в масонской ложе доклад о необходимости каких-то реформ. И с ужасом видит, что большинство с ним не согласно, а согласные понимают его мысли совершенно иначе, по-своему, на взгляд Пьера, неверно. Толстой видит в этом неизбежный человеческий удел и считает, что разум бессилён влиять на жизнь общества.

Или Достоевский. Сколько он живописал неизбывное человеческое стремление к своеволию!

Помню, как уже на Западе, один эмигрант язвительно шутил: "Ты стоишь за третий путь. А я за пятый, а он за 17-й!" То есть сколько людей, столько и путей.

И вдруг общество в Польше — а кто более славился горором и своеволием, чем поляки! — оказывается е д и н ы м по такому благодатному для разногласий вопросу, как конструктивная программа социальных преобразований!

Значит, когда речь идет не о забавах от безделья или утехах тщеславия, а о реальных жизненных интересах, тогда возможным оказывается и единодушие, и один путь для большинства.

Это как в технике. Сколько существует в мире конструкторов, скажем, автомашин, а все машины одного назначения в главном одинаковы. Конструкторы заинтересованы не в оригинальничаньи, а в том, чтобы их машины хорошо выполняли свою ключевую функцию: ездить и быть полезными людям.

Так и в нашем случае.

Глядя на ужасы и страдания, страдая и сам, я думал лишь о том, как должна быть устроена (или перестроена) советская машина, чтобы она могла, наконец, сдвинуться с места, везти людей, перестать быть душегубкой. Не думал при этом, что буду когда-нибудь свои мысли публиковать, и лишь обсуждал их осторожно с теми из друзей, которые непосредственно работали во чреве чудовищной машины госкапитализма — в промышленности. Им тоже было не до оригинальничанья и своеволия.

И вот через какое-то время выяснилось, что я пришел в главном к тем же решениям, что и далекие от меня "конструкторы" в Чехословакии и Польше.

